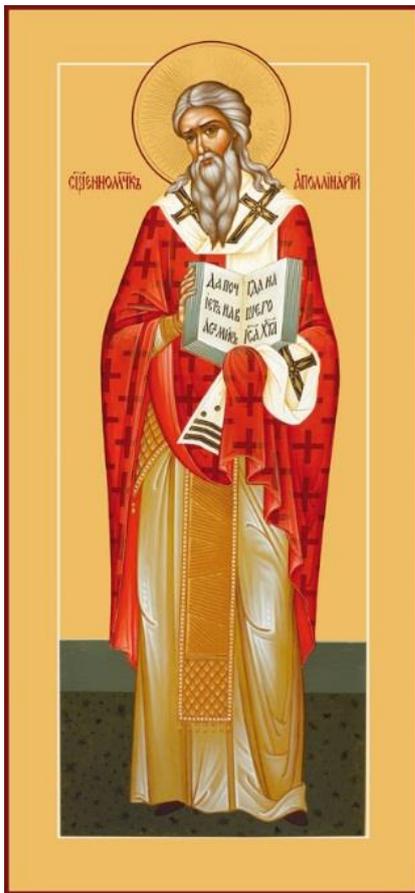

Память 05 августа (ст. стиль 23 июля)

Страдание святого священномученика Аполлинария

Во дни кесари Клавдия¹ святой Петр, Апостол Иисуса Христа² со многими сопутствующими ему христианами пришел из Антиохии в Рим³; здесь вначале, вшедши в иудейское собрание, он назвался иудеянином. И стал возвещать учение об Иисусе Христе, доказывая свидетельством пророческих книг, что Христос есть истинно Сын Божий, пришедший для спасения рода человеческого; он поведал и о всех чудесах Господа Иисуса, которые Он сотворил среди Израиля. Когда святой Апостол Петр ежедневно проповедовал таким образом в сонмище иудейском, многие из иудеев уверовали во Христа, и не только из иудеев, но многие и из римлян, слыша проповедь Апостола, с радостью принимали его слово, говоря:

- Бог взыскал род человеческий, пославши Сына Своего для обновления мира.

И, уверовав во Христа, крестились. Не мало времени спустя святой Апостол Петр обратился к ученику своему Аполлинарию, пришедшему с ним из Антиохии, с такими словами:

- Вот ты хорошо наставлен в познании Христа, Сына Божия и вполне уведал все Его божественные деяния. Итак прими освящение Святого Духа и иди в многолюдный город Равенну⁴ и, ничего не боясь, проповедай там имя Иисуса Христа!

Произнесши это, Апостол Петр сотворил молитву и, возложив руки на главу Аполлинария, поставил его епископом города Равенны.

- Да пошлет Господь наш Иисус Христос ангела Своего, который сохранит тебя в пути и исполнит, что ты просишь.

С такими прощальными словами Апостол отпустил Аполлинария, облобызав его. Приблизившись к вышеназванному городу, Аполлинарий вошел в дом одного воина, по имени Ириней, желая, как странник, отдохнуть. Во время беседы с ним, святой епископ объявил этому Иринею о себе: кто он, откуда и ради чего идет в их город, и говорил о Христе Иисусе и Его божественной силе. Ириней сказал ему:

- Отче - странник! у меня есть сын слепой, и если проповедь твоя имеет силу, исцели его, чтобы он прозрел, тогда я, уверовав в Бога твоего, пойду во след Его.

И повелел святой привести к себе слепого; когда же того привели, собрались все домашние, желая видеть, что сделает со слепцом странник. А он, осенив крестным знаменем очи слепого, изрек:

- Боже вездесущий! внеси познание Сына Твоего в этот город, да не только телесные, но и духовные очи людей этих просветятся, чтобы познали они Тебя, Единого истинного Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Которого Ты послал для спасения мира (ср. Иоан.17:3).

Как только святой изрек это, тотчас отверзлись очи слепого, и он прозрел и припал к ногам человека Божия с родителями своими. Итак вся та семья уверовала во Христа и крестилась в реке, которая протекала недалеко от Равенны, и стал святой жить в том Иринеевом доме.

А в городе была больная женщина, супруга трибуна⁵, по имени Фекла, много лет лежавшая в болезни; и хотя ее пользовали различные искусные врачи, она не могла

излечиться. Случилось, что новокрещенный воин Ириней пришел к трибуну и, видя, что тот сильно огорчен неизлечимой болезнью жены своей, обратился к нему с такой речью:

- Живет у меня странник, который моего слепого сына излечил без всякого лекарства; если прикажешь, чтобы тот пришел к тебе, он тотчас исцелит и твою супругу.

Трибун спросил:

- Откуда этот человек пришел сюда?

- Из Рима, - отвечал Ириней.

- Что же он римлянин? - переспросил трибун.

- Не знаю; однако, сдается мне, что он родом не римлянин, а грек.

- Приведи его тайно в дом мой! - заключил трибун беседу.

Когда святой Аполлинарий входил с Иринеем в город Равенну, то, осенив себя крестным знаменем, молился:

- Боже, поспешествующий учителю моему Петру, поспешествуй и мне, да прославится имя Твое святое в этом граде и да исполняется здесь Твоя воля!

Когда святой вступил в дом трибуна, трибун приветствовал его:

- Хорошо, что пришел, о, врач! Что может быть, в самом деле, приятнее студенной воды для жаждущего?

- Да почиет, - сказал святой Аполлинарий, - на вас благословение Господа нашего Иисуса Христа.

- Кто Тот, Кого ты назвал? - спросил трибун.

- Он Сын Бога Живого (ср. Иоан.6:69), обновивший весь погибший мир, - отвечал Аполлинарий.

-Вижу, что ты - галилеянин⁶, - сказал трибун.

- Истинно, так, - подтвердил святой.

- Умеешь ты врачевать? - спросил трибун.

- Нет, - отвечал святой, - я ничего не знаю, кроме имени Иисуса.

- А какая сила в имени Иисуса? - сказал трибун.

- А вот, - отвечал святой, - призови сюда воинов, которые под твоею властью, и на глазах всех познаешь силу Господа моего Иисуса Христа!

Трибун тотчас же через посланного созвал всех своих воинов и затем обратился к святому:

- Вот моя жена много лет лежит на одре болезни, и лекарство не только не помогает ей, но еще более вредит. Итак, если в тебе заключена какая-либо врачующая сила, яви ее над болящей!

- Да откроет Бог, - молитвенно пожелал святой, - очи ваших сердец, чтобы, видя чудеса Его, все уверовали в Него!

И, подойдя к постели, взяв за руку больную, произнес:

- Во имя Господа нашего Иисуса Христа встань и веруй в Него, и не помысли, что кто-либо подобен Ему.

И тотчас жена почувствовала себя здоровою, встала с постели и громко свидетельствовала:

- Нет иного Бога, кроме Иисуса Христа, Которого ты проповедуешь.

Видя это трибун и все его воины, удивляясь, восклицали:

- Воистину только этот Бог, Который творит таковое! Он может вспомоществовать нам и на войне, если мы Его возлюбим!

И уверовали во Христа трибун с женою своею и с детьми и со всеми домашними, и многие из бывших там язычников веровали и крестились. С этого времени святой Аполлинарий стал иметь пребывание в городе в доме трибуна, и повседневно приходило к нему множество людей, и он тайно учил их веровать во Христа и крестил; уверовавшие же отдавали своих детей святому для книжного учения. И святитель Божий устроил в доме трибуна из одной комнаты церковь и совершал в ней литургию и причащал верующих божественных Таин Тела Крови Христовых. Оставаясь там 12 лет рукоположил двух

пресвитеров, Адерета и Калокира, а Маркиана, человека благороднейшего происхождения, и философа Левкадия поставил диаконами и шесть человек клириками и совершал с ними дневные и ночные моления, славословя Бога. Когда же число христиан умножилось, и слух об имени и силе Иисуса Христа и Его проповеднике прошел в народе, то не мог остаться в неизвестности человек Божий, и было о нем сообщено правителю города Сатурнину.

Когда за ним было послано, и он был приведен, то правитель представил его главнейшим жрецам Равеннского Капитолия и в присутствии их обратился к нему с вопросом:

- Кто ты таков?

- Я христианин, - громким голосом исповедал святой в ответ.

- А кто Христос? - спросил князь.

- Христос есть Сын Бога Живого, Которым движется всё существующее на небе и на земле и в море, - отвечал святой.

- Это Он послал тебя, - допытывался судья, - к нам ниспровергнуть служение нашим богам? Разве ты не знаешь великого бога Зевса, обитающего в городском капитолии, которому и ты должен поклониться?

- Кто он не знаю, и о храме его мне неизвестно, - отвечал святой.

Тогда жрецы идолов предложили святому:

- Так иди и посмотри на великий храм его, дивно украшенный, и в нем увидишь изображение непобедимого Зевса и поклонись ему.

И привели святого Аполлинария к тому храму; когда он вошел в него и увидел богатые украшения, то посмеялся и обратился к жрецам с такою речью:

- Вот сколько золота и серебра по-пустому здесь собрано: не лучше ли было раздать его нищим, чем понапрасну повесить пред демонами?

Тогда нечестивые преисполнились гнева и ярости, сильно избили святого, а затем, привязав веревкой за ноги, вытащили его за город и бросили на морском берегу, как мертвого; святого Аполлинария, едва живого, взяли его ученики и укрыли в доме одной вдовы, верующей во Христа, и заботились о нем.

Спустя шесть месяцев, один знатный человек, по имени Вонифатий внезапно стал нем; к нему призывали многих врачей, но последние ничем не могли помочь ему. В то время стало известно в его доме, что раб Божий Аполлинарий жив и укрывается у одной вдовы. Жена немого поспешила к человеку Божию и, припадая к ногам его, молила, чтобы он пришел в дом к ней и исцелил ее мужа. Святитель Христов, встав, пошел туда и, когда входил в дом Вонифатия, одна из рабынь, отроковица, одержимая нечистым духом, схваченная им, воскликнула:

- Уйди отсюда раб Бога Живого! Если же не уйдешь, то я добьюсь, что тебя, со связанными ногами, опять выволокут из города!

Святой, запретив нечистому духу, изгнал его из рабыни; войдя к больному и немому Вонифатию, он так помолился о нем Богу:

- Господи Иисусе Христе, затворивший уста этому человеку, чтобы не призывал он к себе бесов на помощь, открой их ему ныне, да призовет он Твое преблагословенное имя и уверует, что Ты - Бог, живущий во веки.

Когда святой так помолился, а предстоявшие христиане произнесли "аминь", в ту же минуту разрешился язык немого и уста его открылись для славословия Единого Бога, и он громогласно воскликнул:

- Нет другого Бога, кроме проповедуемого Аполлинарием!

В тот день уверовали во Христа более 500 мужей и приняли святое крещение. Не много дней спустя, нечестивые, возбужденные бесами ко гневу, снова схватили святого Аполлинария и сильно били палками, запрещая ему, - да не смеет он проповедовать об Иисусе, ни даже упоминать имя Его. Святой же, лежа на земле, восклицал:

- Воистину Бог есть Иисус Христос, волею пострадавший за людей.

Язычники, не вынося его свидетельства а Христе, поставили его босыми ногами на горячие уголья и, мучая его, жгли на огне. А он еще с большею силою громко проповедовал Христа. Потом, привязав святого Аполлинария за ноги, мучители вытащили его из города, с криком:

- Хотя ты и творишь исцеления, но, если хочешь быть живым, не осмеливайся входить в город.

И святой лежал близ города и непрестанно учил о имени Иисуса Христа. Приходили к нему многие богобоязненные люди и прислуживали ему. Умножавшиеся в числе от проповеди святого верующие создали небольшую церковь недалеко от города на морском берегу, и совершал в ней архиерей Божий святую литургию и обращающихся ко Христу Богу крестил в море.

Спустя несколько лет святой был прогнан неверными и отправился в италийскую страну Емилию и здесь проповедью, кого только мог, приводил к святой вере. В это время, по его повелению, управлял церковью пресвитер Калокир; являл и тот великие знамения силою имени Иисуса Христа. Пробыв достаточно времени в Емилии и обратив многих ко Христу, святой Аполлинарий опять вернулся в Равенну, где верующие приняли его с радостью. В то время Равенна имела уже другого правителя, по имени Руфина, у которого была только одна дочь, и она так тяжело болела, что уже ожидали ее смерти. Услышав о святом Аполлинарии, правитель приказал с честью привести его в свой дом, чтобы он помог его дочери. Когда святой епископ с клириками вступал в дом князя, умерла больная. И начали плакать и громко рыдать как родители ее, так и все домашние. Увидав святого, Руфин так сказал ему:

- Лучше бы ты не приходил в дом мой, потому что за тебя разгневались на меня великие боги и не захотели, чтобы моя дочь избавилась от смерти.

- Клянись мне здравием твоего цезаря, - возразил святой, - что не помешаешь дочери твоей идти во след Спасителя своего, и ты увидишь силу проповедуемого мною Господа нашего Иисуса Христа.

- Я знаю, - отвечал Руфин, - что дочь моя умерла, но если я увижу ее воскресшею и говорящею, восхваляю силу Бога твоего, и не воспрещу ей последовать за своим Спасителем.

Тогда святой, приблизившись к покойнице, молился:

- Господи Иисусе Христе Боже мой, исполняющий все прошения Апостола Твоего Петра, моего наставника, исполни и мою просьбу, - воскреси эту отроковицу, так как она Твое создание. И да видят предстоящие Твою силу и разумеют, что нет иного Бога, кроме Тебя!

Потом, прикоснувшись к мертвой, воскликнул:

- Восстань и исповедуй Создателя твоего!

И тотчас девица воскресла, стала на ноги и, громко взывая, восклицала:

- Велик Бог, Которого проповедует Аполлинарий, и нет, кроме Него, другого Бога!

Обрадовались родители отроковицы, обрадовались и все христиане, что так прославилось имя Господа Иисуса. Крестилась девица с матерью и все домашние, и всех принявших крещение душ обою пола было триста двадцать четыре, и многие другие из язычников уверовали во Христа и крестились. Правитель же Руфин, хотя и уверовал во Христа, но страха ради перед цезарем, не принял крещения, но втайне любил святителя Божия и служил ему. Дочь же его посвятила себя Иисусу Христу, обручив себя Ему, как невеста, и пребыла девою в течение всей своей жизни.

Сообщено же было цезарю язычниками, что какой-то человек, пришедший из Антиохии, своим волшебством и чарами, внес имя Иисуса Жидовина в город Равенну, и многие из народа слушают его, причем он даже семью и домашних Руфина совратил в свою веру. Цезарь же, немедленно послал наместника своего, именем Мессалина, в Равенну лишить власти Руфина, а Аполлинария приказал или принудить к поклонению языческим богам, или изгнать в самые отдаленные страны. Мессалин, исполняя волю цезаря, позвал Аполлинария в преторию и при capitoлийских жрецах расспрашивал его, - кто он, откуда

и чем занимается. Святой же сказал о себе, что он христианин, родом из Антиохии, ученик апостольский; дело же его исключительно состоит в проповедовании Иисуса Христа, Сына Бога Живого, сотворившего небо и землю, и море и всё, что на них и в них.

- Не того ли проповедуешь Христа, Который, несколько лет тому назад, назвался Сыном Божиим, и был убит жидами? - спросил Мессалин. - Если бы Он был Бог, то не умер бы и не принял бы поругания, но так как Он был горд, то предан был на мучение и погиб от смертной казни, - ради чего ты причисляешь Его к богам, не знаю.

- Сей Иисус Христос, - сказал ему святой Аполлинарий, - о Котором ты говоришь, Бог был, есть и будет во веки. Желая освободить род человеческий от порабощения врагу, Он смирил Себя и воплотился от Святого Духа в утробе чистой, не познавшей мужа Девы и родился от Нее несказанно.

- Всё это и мы слышали, - возразил Мессалин, - но это маловероятно.

- Послушай меня, о судья! и внемли, - воззвал святой. - Бог был в чистой плоти и творил удивительные чудеса и знамения, а когда был взят иудеями и распят, то пострадала принятая от Пресвятой Девы плоть Его, а Божество осталось чуждым страдания и бессмертным; этим Божеством и плоть воскресла из мертвых в третий день и Он, явившись многим, вознесся на небо, откуда и сошел. Столь великую силу и власть Он дал верующим в Него, что последние именем Его могут изгонять бесов, исцелять всякие неизлечимые болезни и воскрешать мертвых (Мрк.16:17-18).

- Не можешь меня переубедить, - возразил Мессалин, - чтобы я стал последователем неизвестного Бога, Которого не признают цезарь и сенаторы; но войди в городской капитолий и вознеси своими руками курение великому и страшно гремящему богу Зевсу; если же не захочешь этого сделать, то предам тебя различным мукам и сошлю в изгнание.

- Если и в капитолий войду, всё же не принесу курения бесам, но принесу жертву хвалы Господу моему Иисусу Христу, - отвечал святой.

Жрецы же идольские закричали:

- Да будет Аполлинарий мучим!

И повелел Мессалин обнажить мученика и бить палками без пощады со словами:

- Принеси жертву богам!

А святой, во время этой пытки восклицал:

- Я - христианин!

- Протяните его на месте мучения, - яростно воскликнул один из жрецов, - и истязайте еще жесточе, пока не воздаст хвалы бессмертным богам.

Но и среди этих, более жестоких, мучений святой Аполлинарий взывал:

- Исповедую Богом живым Господа Иисуса Христа и никого иного!

Спустя час, Мессалин, повелев ослабить муки, обратился к страстотерпцу:

- Скажи мне, окаянный, какого воздаяния ожидаешь ты за принятые муки?

- В наших книгах, - отвечал мученик, - написано: "Претерпевший до конца спасется" (Мф.24:13), и сели кто умрет за Христа, тот жив будет: таково воздаяние для христианина.

Смотрело же на страдание святого много народа, верующих и язычников, и верующие, видя его мужество и терпение, прославляли Бога небесного. Мессалин тогда снова приказал слугам мучить раба Христова и лить кипящую воду на его раны. А тем временем приказал готовить корабль, намереваясь закованного в железо мученика сослать в заточение в Иллирик⁷. Один из истязавших святого слуг, более всех ярившийся на страстотерпца, внезапно был охвачен лютым бесом, упал на землю и умер, так как бес исторгнул из него окаянную его душу. А святой Аполлинарий, будучи снят с мучилища, обратился к Мессалину:

- Нечестивый, почему ты не веруешь в Сына Божия? - тогда бы ты мог избежать вечной муки в геенне⁸?

Разъярился мучитель и приказал бить святого по устам камнем. Христиане, видя такую жестокость мучителя, не могли более терпеть (было их великое множество), но, подвигнувшись на гнев, произвели народный мятеж; бросились они ни язычников и

несколько человек убили; хотели убить и Мессалина, но он, когда заметил начавшийся шум и народный мятеж, испугался и тотчас, схватившись с места, бежал и скрылся где-то в укрепленном здании. Воинам он приказал схватить Аполлинария, заключить в темницу, забить его ноги в колодки и не давать ему ни пищи, ни питья, чтобы он умер, изнемогая от голода и жажды. Но Бог, насыщающий всех, не покинул Своего раба, а послал ангела подкрепить святого, когда он взалкал, и ангел Божий пришел в темницу видимо, так что темничные стражи смотрели на него, и принес узнику Христову пищу и питье, которые тот взял и, вкусив, подкрепился и благодарил Бога. Спустя четыре дня, Мессалин, услышав что учитель христианский Аполлинарий еще жив в темнице, приказал заковать его в тяжелые железные оковы, тайно посадить на корабль и отправить в заточение. С ним пошли и три клирика, не желая расстаться со своим отцом и учителем и пустились в плавание.

Через несколько дней неожиданно поднялась сильная буря, и море жестоко взволновалось, корабль разбился от напора волн и все утонули; уцелел только святой Аполлинарий с тремя клириками и два воина с ними; хранимые Богом, они приплыли невредимыми к берегу; железные же оковы, в которых святой был заключен, спали с него, разбитые невидимой рукой в то время, когда разрушившийся корабль стал погружаться. Спасенные от гибели вышли на берег. И два помянутые воина спросили святого:

- Господин! - отче! куда мы пойдем? что будем делать?

- Веруйте, - отвечал святой, - в Господа нашего Иисуса Христа, - примите святое крещение и будете живы.

Они тотчас же, прокляв идолов, крестились во имя Отца, Сына и Святого Духа. И ходил святой с тремя клириками и двумя новопросвещенными воинами с одного места на другое, пришли даже в Мизию⁹, где никто не принимал их. Святой же, увидев одного знатного человека, имевшего проказу на своем лбу, спросил:

- Хочешь ли быть здоровым?

- Хочу, - отвечал тот.

- Веруй в Господа нашего Иисуса Христа, - сказал святой.

- Кто меня исцелит, - отвечал больной, - тот будет моим Богом.

Святой Аполлинарий, призвав имя Господа Иисуса, прикоснулся к проказе того человека и тот тотчас же стал здоров, отрекся от идолов, уверовал во Христа и крестился. Жил у него святой много дней, уча неверных познанию истинного Бога и просвещая их святым крещением. Также точно он многих из неверных привел к Христу проповедью слова, когда шел оттуда по берегу реки Дуная. После того пришел во Фракию и пребывал там близ одного языческого капища, где стоял идол нечистого языческого бога Серапида, который беседовал с своими поклонниками: потому что бес, сидевший в идоле, давал ответы приносящим жертвы и спрашивающим о всяком деле. Когда святой пришел туда, идол замолк. И были сильно опечалены нечестивые жрецы и все язычники той страны, что бог их онемел. После того, как они долго умоляли его жертвами, чтобы он снова заговорил с ними, едва кое-как он проговорил:

- Разве не знаете вы, что из Рима пришел сюда ученик Апостола Петра и связал меня именем Иисуса, которое он проповедует? Пока он отсюда не будет изгнан, я не могу отвечать на ваши вопрошения!

Тотчас язычники старательно стали разыскивать Христова проповедника и, нашедши, били немилосердно; затем, приведя его к морю, отыскали там корабль, отплывавший в Италию; и, умолив правителя своей страны, отправлявшего корабль тот, посадили на него святителя Божия, говоря:

- Откуда ты пришел, туда и возвратись!

И при попутном ветре достигли Италии. Вышед на сушу с учениками, человек Божий пошел в город Равенну к своей пастве и, явившись в Равенне после трехлетнего изгнания, принят был верующими с великою радостью. Язычники же сильно гневались, узнав, что христианский епископ возвратился из изгнания, и замыслили злое, подыскивая удобное время для выполнения своего умысла.

Достаточно времени спустя, когда святитель Божий совершал святую литургию в церкви, находившейся в селении одного известного мужа, по имени Кириная, напали на нее язычники в огромном числе и, разогнавши словесную паству Христову, схватили самого пастыря святого Аполлинария и с побоями привели его связанного в город и предоставили самым главным капитолийским жрецам храма Зевса. Те, увидев его, с гневом закричали:

- Недостоин он предстать пред великого бога Зевса, над которым не раз надругался, но пусть ведут его к Аполлону!

Когда святой был приведен в храм Аполлона, он вознес молитву Господу моему, и идол тот тотчас, упавши наземь, рассыпался в прах, а немного времени спустя, и храм тот непотребный разрушился. Видя то, христиане прославляли Всемогущего Бога своего, а язычники, схватив святого Аполлинария, привели его к князю, по имени Таврусу, и предали тому мученика для осуждения на смерть. Правитель же, созвавши в преторию всех советников - граждан, спрашивал узника Христова в их присутствии, "Чьею силою творит от такие чудеса, исцеляя больных?"

Святой поведал, что всё исполняет силою Христовою, ибо один Христос есть истинный и всесильный Бог.

- У меня, - сказал судья, - сын слепой от рождения; если ты силою Христа твоего сделаешь, что он прозреет, то и мы будем веровать, что Христос есть Бог истинный; если же ты этого не сделаешь, то предадим тебя огню, да погибнешь по заслугам.

Святитель Христов приказал привести слепорожденного и, когда тот был приведен, человек Божий осенил крестным знаменем слепые очи и произнес:

- Во имя Иисуса Христа Распятого открой глаза твои и прозри.

И тотчас слепой от рождения, открыв глаза, прозрел. И все дивились, восклицая:

- Действительно совершающий таковые чудеса есть Бог истинный.

И многие уверовали во Христа. Правитель же, освободив святого из рук неверующих, отправил его ночью в свое имение, в шести миллиариях¹⁰ от города, под предлогом, что там будет держать его в оковах. Но святитель оставался в том селении все четыре года не в оковах, а на свободе, и сходились к нему все верующие и из язычников многие приходили к нему; он обращал и их проповедью евангельскою к святой вере и крестил; всех больных, которых приносили к нему, он исцелял.

В те дни избран был в Риме кесарем Веспасиан¹¹ и начальствующие в Равенне жрецы писали Кесарю послание в следующих словах:

- Если ты не погубишь волхва Аполлинария, вредного для твоего царства, то погибнет почитание богов и умалится слава Рима; потому что повседневно соблазняя своим волшебством множество народа, он поносит бессмертных богов и разрушает их храмы; если же один он из живущих будет уничтожен, слава Рима во веки сохранится.

Кесарь Веспасиан, рассмотрев то, отписал в Равенну следующее:

- Если кто нанесет бесчестие и поношение богам, тот должен вознаградить их принесением даров, или да будет изгнан из города, потому что неприлично мстить кому-нибудь за богов, ибо они сами могут отмстить врагам своим, если прогневаются.

Когда такой ответ цезаря пришел в Равенну, патриций¹² Демосфен, принявший тогда правление над городом, схватил святителя Божия Аполлинария, уже престарелого от лет и изнемогшего физически от многих мучений. Толпа язычников требовала от Демосфена, чтобы он или подверг Аполлинария мучению, или отправил куда-нибудь далеко в опасные для здоровья местности, где бы он без вести и погиб. Демосфен же отдал святого одному сотнику под стражу, пока тот не измыслит мук, каким бы его подвергнуть и в какие зловередные места изгнать. Сотник же тот, будучи тайным христианином, приняв человека Божия, отвел его не в темницу, но в дом свой и покоил его. Спустя несколько дней он обратился к святому Аполлинарию с такою речью:

- О, господин и отче, не спеши умирать, ибо жизнь твоя очень нужна нам для нашего блага; но выйди ночью в селение, где находятся больные и оставайся там до того времени, пока не уляжется народное волнение.

С этими словами сотник отпустил святого в полночь тайно из города, Когда же святой вышел, некоторые из почитателей идолов, узнав о том, поспешили вслед за ним и, настигнув его на пути, били его и рубили мечами, пока не показалось им, что он умер; тогда, оставив его, удалились.

Когда наступил день, пришли ученики и нашли святого едва дышавшим и, взяв его, принесли в селение к больным, где он прожил семь дней. Перед кончиною собралась к нему вся паства, и долго он учил ее не отступать от святой веры Христовой, гнушаться языческих непотребств, и пророчески предсказал имевшие наступить многочисленные гонения против церкви Христовой, также предсказал, что после всех тяжких бедствий, будет повсеместное истребление идолов и воссияет свет благочестия по вселенной, явятся христианские цари, и христиане беспрепятственно будут приносить жертвы живому Богу. Прибавил к сказанному и следующее:

- Если кто непоколебимо пребудет в вере Господа нашего Иисуса Христа, тот не умрет, но жив будет вечно.

Высказав это и многое другое, почил о Господе святитель и мученик Христов. И оплакивали его все верующие и положили его честное тело в каменном гробе и погребли его глубоко в земле из страха пред нечестивыми, чтобы не надругались над телом его, вырывши из земли. Пас святитель Божий Аполлинарий церковь Христову двадцать восемь лет с месяцем и четырьмя днями. Пострадал святой в десятые календы августа (то есть июля 23-го) в царствование у Римлян Веспасиана, а у нас (христиан) Господа нашего Иисуса Христа со Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь¹³.

¹ Клавдий - император 41-54 гг.

² Память св. Ап. Петра 29 июня.

³ Главный город Римской империи, лежит в средней Италии по обеим сторонам реки Тибра, при впадении ее в море.

⁴ Равенна - город итальянской провинции того же имени. Равенна основана была фессалийцами; она ее были построены на сваях, каналы частью заменяли собою улицы. 254 г. до Р. Хр. не подчинена была римлянам; последние дали Равенне самоуправление и различные привилегии и льготы. В дни римской империи Равенна была одною из важных стоянок римского флота: здесь был устроен Августом порт. С 44 г. Равенна становится местопребыванием епископа, а с 432 г. - архиепископа император Гонорий, спасаясь от Алариха, в 402 г. избрал Равенну своей столицей. По падении западной Римской империи Равенна была взята Одоакром, королем Регулов; в 493 г. после долговременной осады Равенной овладел Теодорих Великий. С 555 г. в Равенне начинается господство Византии, продолжавшееся здесь около двух веков. В 752 г. она становится достоянием лангобардов; в 754 г. Пипин Короткий подносит ее в дар папе. С 1275 г. Равенна становится собственностью знатной фамилии Полента, находившейся ранее в зависимости вассальной от папы. В 1441 г. Равенной овладевают венецианцы, из рук последних в 1509 г. она снова переходит в руки папы. В 1860 г. Равенна включена в состав Итальянского королевства. - Наравне с Римом, Константинополем и Солунью Равенна замечательна памятниками древне-христианского искусства от времени перехода его в искусство византийское.

⁵ Военного начальника.

⁶ Галилея - область на севере Палестины; здесь Господь Иисус Христос провел свое детство и юность; Галилея же была по преимуществу и местом Его проповеди; по сему-то Господа Иисуса и называли Галилеянином (Мф.26:69). В IV веке греко-римский император Юлиан Отступник умер (в 363 г.) с такими словами, обращенными ко Христу: "Ты победил меня, Галилеянин!" - отсюда и последователи Господа Иисуса носили имя Галилеян.

⁷ Иллирик или Иллирия - римская провинция, о которой св. Ап. Павел в послании к Римлянам упоминает, как о границе его апостольской деятельности (15:19). Иллирией греки называли всю страну, лежащую к западу от Македонии между Дунаем и Адриатическим морем. Римляне различали: *illyria barbara* - северная горная страна и *illyria graeca* - приморская страна, заселенная греческими колонистами. В Иллирии проповедовали некоторые из 70 апостолов.

⁸ Геенна - место вечных мучений (Мф.10:28). Это название произошло от еврейских слов, которые означают долину Еннон близ Иерусалима, где в честь Молоха сожигались дети (3Цар.11:7; 4Цар.16:3-4). Царь Иосия отменил ужасный и богопреступный обычай такого жертвоприношения; после этого в долину Еннон стали сваливаться трупы казненных злодеев, падаль и всякая нечистота; для уничтожения смрада и заразы всё это предавалось огню. Отсюда и выражение геенна огненная (Мф.5:22, 29;13:9; Мрк.9:47), геенна огонь неугасающий (Мрк.9:43, 45).

⁹ Мизия - страна к северу от Македонии, смежная с Фракиєю.

¹⁰ Миллиарий или миля (римская) равнялась восьми стадиям; стадий же - приблизительно 88 нашим саженьям.

¹¹ Веспасиан - император 70 - 79 гг.

¹² Человек знатный в силу своего происхождения.

¹³ Св. Аполлинарий скончался около 75 г. по Р. Хр.; тело его покоится в Равенне, в церкви его имени, а честная рука находится в Риме, в храме, ему посвященном.

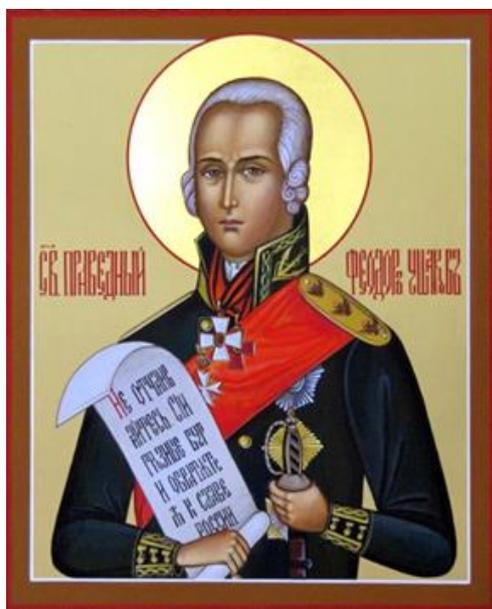
Память святых мучеников Трофима и Феофила

Святые мученики Трофим и Феофил пострадали в царствование Диоклитиана¹. Вместе с ними пострадали еще верные слуги и истинные рабы Христовы, - числом всего тринадцать. После того как они отказались повиноваться приказанию нечестивого мучителя, - не принесли мерзких жертв бездушным идолам, - и не пожелали отречься от Христа, они были повешены на мучилищном древе; затем язычники начали терзать тело их острым железом, а также бросали в стратотерпцев камнями; наконец, перебив у них голени, бросили их на костер. Но всемогущею силою Божиею святые были сохранены целыми и невредимыми посреди пламени и вышли из огня без вреда. Тогда мучитель, разгоревшись лютою яростию, как огнем геенским, приказал умертвить мечом всех их. И отсечены были у святых честные главы в честь и славу Главы всей Церкви, - Господа нашего Иисуса Христа².

¹ Царствовал с 284 г. по 305 г.

² Место подвигов и страдания святых мучеников Трофима и Феофила, а также и прочих с ними мучеников, числом тринадцать, - неизвестно с точностью. Одни указывают его в малоазийской провинции Ликии; но с большею вероятностью следует считать отечеством святых мучеников остров Крит на том основании, что канон в честь их составлен св. Андреем Критским (память его 4-го июля, под каковым числом см. и житие его). - Время мученической кончины святых падает на эпоху Диоклитиановых гонений (нач. IV в.).

Праведный Феодор Ушаков, воин

Дни памяти

5 июня - Собор Ростово-Ярославских святых

5 августа - Прославление

10 августа - Собор святых Тамбовской митрополии

15 октября

28 декабря - Собор Крымских святых

Св. праведный воин Феодор Ушаков (1745-1817) – великий русский адмирал, не потерпевший ни одного поражения в морских сражениях. После военной службы посвятил жизнь молитве и благотворительности, построил храм в деревне Алексеевке, помогал нуждающимся. Канонизирован в 2001 году как пример доблести, милосердия и глубокой веры.

Адмирал российского флота Феодор Ушаков родился 13 февраля 1745 года в сельце Бурнаково Романовского уезда Ярославской провинции и происходил из небогатого, но древнего дворянского рода. Родителей его звали Феодор Игнатьевич и Параскева Никитична, и были они людьми благочестивыми и глубоко верующими.

В послепетровские времена дворянских юношей обыкновенно определяли в гвардию, служил в ней и отец будущего адмирала Феодор Игнатьевич, и даже пришлось ему повоевать с турками в войну 1735–1739 годов, но после рождения третьего сына Феодора

он был уволен от службы с пожалованием сержантского чина лейб-гвардии Преображенского полка. Вернувшись в родное сельцо, он сменил царскую службу на хозяйственные хлопоты и воспитание детей.

День рождения будущего адмирала Российского флота – 13 февраля – приходится между празднованием памяти двух воинов-великомучеников: Феодора Стратилата и Феодора Тирона (память 8 и 17 февраля), – а вся жизнь российского флотоводца, от младенчества до дня кончины, прошла под благотворным влиянием его родного дяди, преподобного Феодора Санаксарского – великого воина в духовной брани. Преподобный Феодор родился и вырос в том же сельце Бурнаково, отсюда ушел в юности служить в столичную гвардию, но затем, стремясь душою к иному служению, желая стяжать звание воина Царя Небесного, бежал из столицы в пустынные двинские леса, чтобы одному Богу работать, укрепляясь в подвиге поста и молитвы; был сыскан, доставлен к императрице, которая, вняв Промыслу Божию о молодом подвижнике, благоволила оставить его в Александро-Невском монастыре, где он принял монашеский постриг в 1748 году, – и это исключительное для дворянского семейства Ушаковых событие, вкупе с последующими известиями о его монашеском служении Богу, было постоянным предметом бесед среди родственников и служило им назидательным примером.

Большое семейство Ушаковых состояло в приходе храма Богоявления-на-Острове, находившегося в трех верстах от Бурнаково на левом берегу Волги. В этом храме Феодора крестили, здесь же была школа для дворянских детей, где он обучался грамоте и счету. Феодор Игнатьевич и Параскева Никитична, будучи очень набожны, почитали главным условием воспитания детей развитие высоких религиозных чувств и строгой нравственности. Эти чувства, возбужденные примерами семейства и особенно родного дяди-монаха, глубоко запечатлелись в сердце возраставшего отрока, сохранились и стали господствующими во всю его последующую жизнь. В глуши деревенского поместья было много простора для физического развития; отрок Феодор, обладая врожденным бесстрашием характера, нередко, в сопровождении таких же смельчаков, отваживался, как отмечают биографы, на подвиги не по летам – так, например, со старостою деревни своей он хаживал на медведя. Эти качества – бесстрашие и пренебрежение опасностью – также укрепились в характере Феодора. Скромный и уступчивый в обычных условиях, Феодор Ушаков как бы перерождался в минуты опасности и без страха смотрел ей прямо в лицо.

В возрасте шестнадцати лет Феодор был представлен в герольдмейстерскую контору для смотра, где и показал, что "российской грамоте и писать обучен... желает-де он, Феодор, в Морской кадетский корпус в кадеты".

Морской кадетский корпус располагался в Санкт-Петербурге, на углу набережной Большой Невы и 12-й линии Васильевского острова. В феврале 1761 года туда был зачислен Феодор Ушаков, но дяди своего в Александро-Невском монастыре уже не застал – монах Феодор был в Санаксаре, на берегу Мокши, в Тамбовской провинции.

Ко времени поступления Феодора Ушакова Морской корпус представлял собою еще не настроившееся для правильной учебной жизни заведение. Науки преподавались достаточно хорошо, чтобы образовать исправного морского офицера, но внутреннего порядка, должного наблюдения за нравственностью юношей не было. Кадеты были предоставлены самим себе, и при склонности подростков к подражанию и молодечеству дурные товарищи могли иметь большее влияние, чем хорошие. Кроме того, много надежд в деле воспитания возлагалось на розгу. Но неблагоприятные школьные условия не отразились на юноше Феодоре; добрые свойства его характера, принесенные им в корпус из родной семьи, оградили его от порчи. Будущий адмирал, отличаясь хорошей учебной и доброй нравственностью, прилежно постигал преподаваемые ему науки, особую склонность проявляя к арифметике, навигации и истории, и через пять лет успешно, одним из лучших, окончил Морской корпус, получил офицерский чин и был приведен к присяге:

"Аз, Феодор Ушаков, обещаюся и клянуся Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ моей

всемиловитвейшей Государыне ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ САМОДЕРЖИЦЕ и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА любезнейшему Сыну Государю Цезаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу, законному всероссийскаго престола Наследнику, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови... В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий!".

Вся последующая жизнь Феодора Феодоровича стала подтверждением того, что он ни в чем не изменил данной им присяге.

После выпуска из Морского корпуса Феодора Ушакова направили на флот Балтийского моря. Северные моря редко бывают спокойными, и для молодого офицера это была хорошая морская школа. Первые годы службы на флоте прошли в интенсивной учебе под руководством опытных моряков. Благодаря своему усердию, пытливости ума, ревностному отношению к делу и высоким душевным качествам, молодой мичман Феодор Ушаков успешно прошел эту первую школу морской практики и был переведен на юг, в Азовскую флотилию.

В конце XVII – начале XVIII века выдвинулась государственная задача возвращения России побережья Черного моря. В 1775 году, при императрице Екатерине II, было принято решение о создании на Черном море регулярного линейного флота. В 1778 году, в тридцати верстах выше устья Днепра, недалеко от урочища Глубокая пристань было устроено адмиралтейство, основаны порт и город Херсон. Началась работа по сооружению эллингов под корабли, однако из-за больших трудностей с доставкой леса из глубинных районов России строительство затянулось. Дело начало поправляться лишь с прибытием офицеров и команд на строившиеся корабли. В августе 1783 года в Херсон прибыл и капитан второго ранга Феодор Ушаков.

В это же время в городе началась эпидемия чумы. В Херсоне был установлен карантин. В то время считалось, что чума распространяется по воздуху. Для отгнания морового поветрия на улицах разводили костры, окуривали жилища, но эпидемия усиливалась. Несмотря на сложную военную обстановку, требовавшую продолжения строительства кораблей, был дан приказ полностью прекратить работы и все силы направить на борьбу с чумой.

Все команды были выведены в степь. Не хватало врачей, их обязанности принимали на себя командиры. Капитан Феодор Ушаков стал твердо устанавливать особый карантинный режим. Всю свою команду он разделил на артели. У каждой имелась своя палатка из камыша, по сторонам которой были установлены козлы для проветривания белья. На значительном удалении располагалась больничная палатка. Если в артели появлялся заболевший, его немедленно отправляли в отдельную палатку, а старую вместе со всеми вещами сжигали. Остальные артельщики переводились на карантин. Общение одной артели с другой было строго запрещено. Ушаков сам неустанно за всем этим следил. В результате энергичных действий Феодора Ушакова в его команде чума исчезла на четыре месяца раньше, чем в других. В самое тяжелое по напряженности время эпидемии он никого не посылал в госпиталь, переполненный больными, и спас от смерти многих, пользуясь их при команде. Здесь проявились, конечно, его исключительные способности решать самые трудные и неожиданные задачи; но, главным образом, здесь сказалась великая любовь Феодора Ушакова к ближним своим, любовь милующая, сострадательная, подсказывавшая ему наиболее верные решения.

За умелые действия и проявленные при этом старания Феодор Ушаков был произведен в капитаны первого ранга и награжден своим первым орденом святого Владимира четвертой степени.

Трактатом между Россией и Турцией от 28 декабря 1783 года Крым был окончательно присоединен к России. И тогда же Екатериной II был издан указ об устройстве на южных рубежах новых укреплений, среди которых необходимо было выстроить и "крепость большую Севастополь, где ныне Ахтияр и где должны быть Адмиралтейство, верфь для

первого ранга кораблей, порт и военное селение". В августе 1785 года в Севастополь из Херсона на 66-пушечном линейном корабле "Святой Павел" прибыл капитан первого ранга Федор Ушаков.

11 августа 1787 года Турция объявила войну России. Для ведения боевых действий были развернуты две армии: Екатеринославская под предводительством генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина-Таврического и Украинская генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского. На первое время им предписывалось лишь охранять российские границы, и только Севастопольскому флоту было велено действовать решительно. Вскоре произошла первая генеральная баталия. Турецкий флот насчитывал семнадцать линейных кораблей и восемь фрегатов, а в русской эскадре, авангардом которой командовал капитан бригадирского ранга Федор Ушаков, было всего два линейных корабля и десять фрегатов. 29 июня 1788 года противники обнаружили друг друга и, находясь во взаимной близости, старались занять выгодную позицию и сохранить линию баталии. Но 3 июля у острова Фидониси бой стал неизбежен. Турецкий флот всей мощью своей линии стал спускаться на русские корабли. И тут авангардный отряд Ушакова, "употребив старание и искусство", прибавил парусов и решительным маневром лишил возможности командующего турецким флотом Эски-Гассана охватить русские корабли и взять их на abordаж. Вместе с тем Ушаков отрезал от основных сил два передовых турецких корабля. Те, в свою очередь, обнаружив свое гибельное положение, не дожидаясь никакого сигнала, бросились спасаться бегством "с великой поспешностью". Эски-Гассан вынужден был пуститься вдогонку своим кораблям. Победа была за русской эскадрой.

Это сражение хоть и не имело существенного влияния на дела всей кампании, но было примечательно в другом. Впервые в открытом бою малочисленный русский флот одержал победу над превосходящими силами противника. Начальствуя только авангардом, Федор Ушаков в действительности руководил боем всей эскадры, и его личная храбрость, искусное владение тактикой, выдающиеся качества командира и высокий духовный облик решили сражение в нашу пользу. Это была прежде всего духовная победа, в которой христианское самоотвержение исполнило силой воинское искусство. Вера в вечную жизнь, несомненное упование на помощь Божию и, следовательно, неустранимость перед неприятелем – вот что было решающим во флотоводческом таланте Федора Ушакова. По своему смирению и отсутствию тщеславия Федор Ушаков в донесении не себе приписал успех, но отдал должное мужеству и стремлению к победе своих подчиненных: "Все находящиеся в команде вверенного мне корабля "Святого Павла" господа обер-офицеры и нижних чинов служители каждый по своему званию определенные от меня им должности исполняли с таким отменным старанием и храбрым духом, что за необходимый долг почитаю отнестись им всякую за то достойную похвалу...".

Закончился первый год войны, в который сокрушились турецкие морские силы, а молодой Черноморский флот одержал решительную победу, приведя Оттоманскую Порту "в чрезвычайный страх и ужас". Федор Ушаков, получив чин контр-адмирала, был назначен в начале 1790 года командующим Черноморским флотом. Князь Потемкин писал Императрице: "Благодаря Бога, и флот и флотилия наши сильней уже турецких. Есть во флоте Севастопольском контр-адмирал Ушаков. Отлично знающ, предприимчив и охотник к службе. Он мой будет помощник". А в боевой инструкции князя Потемкина Федору Ушакову говорилось: "Требуйте от всякого, чтоб дрались мужественно или, лучше скажу, по-черноморски; чтоб были внимательны к исполнению повелений и не упускали полезных случаев... Бог с вами! Возлагайте твердую на Него надежду. Ополчась Верою, конечно победим. Молю Создателя и поручаю вас ходатайству Господа нашего Иисуса Христа!".

С таковым напутствием служил православный воин Федор Ушаков, умножая славу любезного Отечества.

В начале июля 1790 года, недалеко от Керченского пролива, произошло очередное сражение, в котором эскадра Ушакова вновь одержала блистательную победу. "Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей, – писал Ушаков. – Они стреляли в

неприятельский корабль не часто и с такою сноровкою, что, казалось, каждый учится стрелять по цели". Конечно, такая неустранимость и спокойствие духа, проявленные участниками боя, говорят о великом примере их предводителя. Екатерина II писала князю Потемкину: "Победу Черноморского флота над Турецким мы праздновали вчера молебствием у Казанской... Контр-адмиралу Ушакову великое спасибо прошу от меня сказать и всем его подчиненным".

После поражения при Керчи разбросанный по всему морю турецкий флот вновь стал собираться в единую эскадру. Султан Селим III для верности дал в помощь командующему турецким флотом Гуссейн-паше опытного адмирала Саид-бея, намереваясь переломить ход событий в пользу Турции. Но одно дело намерения, а другое – встреча лицом к лицу с русским православным воинством. Утром 28 августа турецкий флот стоял на якоре между Гаджибеем (впоследствии Одессой) и островом Тендра. И вдруг со стороны Севастополя Гуссейн обнаружил идущий под всеми парусами российский флот. Появление русской эскадры Ушакова привело турок в чрезвычайное замешательство. Несмотря на превосходство в силах, они спешно стали рубить канаты и в беспорядке отходить к Дунаю. Ушаков, справедливо полагая, что в нравственном отношении половина победы на его стороне, приказал нести все паруса и, подойдя к противнику на дистанцию картечного выстрела, обрушил всю мощь бортовой артиллерии на передовую часть турецкого флота. Флагманский корабль Ушакова "Рождество Христово" вел бой с тремя кораблями противника, заставив их выйти из линии. Российские суда храбро следовали примеру своего предводителя. Замешательство турок возрастало с каждой минутой. Теснимые русскими судами передовые неприятельские корабли принуждены были пуститься в бегство. Флагманский корабль Саид-бея 74-пушечный "Капудания", будучи сильно поврежденным, отстал от турецкого флота. Русские корабли окружили его, но он продолжал храбро защищаться. Тогда Ушаков, видя бесполезное упорство неприятеля, направил к нему "Рождество Христово", подошел на расстояние тридцати сажен и сбил с него все мачты; затем встал бортом против носа турецкого флагмана, готовясь к очередному залпу. В это время "Капудания" спустил флаг.

"Люди неприятельского корабля, – докладывал впоследствии Ушаков, – выбежав все наверх, на бак и на борта, и поднимая руки кверху, кричали на мой корабль и просили пощады и своего спасения. Заметь оное, данным сигналом приказал я бой прекратить и послать вооруженные шлюпки для спасения командира и служителей, ибо во время бою храбрость и отчаянность турецкого адмирала трехбунчужного паши Саид-бея были столь безпредельны, что он не сдавал своего корабля до тех пор, пока не был весь разбит до крайности". Когда русские моряки с объятого пламенем "Капудании" сняли капитана, его офицеров и самого Саид-бея, корабль взлетел на воздух вместе с оставшимся экипажем и казной турецкого флота. Взрыв огромного флагманского корабля на глазах у всего флота произвел на турок сильнейшее впечатление и довершил победу, добытую Ушаковым при Тендре.

Сам же Федор Федорович ясно понимал: победы нашему воинству дарует Господь, и без помощи Божией все умение человеческое "ничтоже есть". Знал, что в России, на берегу реки Мокши, в Санаксарской святой обители возносит молитвы о нем старец Федор, в этот год приблизившийся к исходу от земного своего бытия. По возвращении в Севастополь командующим флотом Федором Ушаковым был дан приказ, в котором говорилось: "Выражаю мою наипризнательнейшую благодарность и рекомендую завтрашний день для принесения Всевышнему моления за столь счастливо дарованную победу; всем, кому возможно с судов, и священникам со всего флота быть в церкви Св. Николая Чудотворца в 10 часов пополуночи и по отшествии благодарственного молебна выпалить с корабля "Рождества Христова" из 51 пушки".

В 1791 году русско-турецкая война завершилась блистательной победой контр-адмирала Федора Ушакова у мыса Калиакрия. Турция намеревалась нанести решительный удар России, чтобы принудить ее к заключению выгодного для Турции мира. Султан

призвал на помощь флот из африканских владений, прославившийся под предводительством алжирца Сеит-Али. Сеит-Али хвастливо пообещал виновника недавних поражений Турции контр-адмирала Ушакова привести в Константинополь в цепях. Предстояло генеральное сражение; это сознавалось всем нашим флотом. "Молитесь Богу! – писал князь Потемкин Ушакову. – Господь нам поможет, положитесь на Него; ободрите команду и произведите в ней желание к сражению. Милость Божия с вами!". 31 июля на подходах к мысу Калиакрия Ушаков обнаружил турецкий флот, стоявший в линии на якоре под прикрытием береговых батарей. Появление русской эскадры было для турок полной неожиданностью – их охватила паника. Турки в спешке стали рубить канаты и ставить паруса. При этом несколько кораблей, не справившись с управлением на крутой волне при порывистом ветре, столкнулись друг с другом и получили повреждения. Ушаков, будучи на ветре и пользуясь неразберихой в стане неприятеля, принял изумительное по находчивости решение и повел свой флот между турецкими кораблями и беспрестанно палящей береговой батареей, отрезая корабли от берега. Бой разгорелся с потрясающей силой. Боевая линия турок была разбита, их корабли были настолько стеснены, что били друг в друга, укрываясь один за другого. Ушаков на флагманском корабле "Рождество Христово" погнался за пытавшимся уйти Сеит-Али и, сблизившись с ним, атаковал его. Первым же ядром с русского флагмана на алжирском корабле вдребезги разнесло фор-стенгю, щепка от которой отлетела в Сеит-Али, тяжело ранив его в подбородок. Окровавленный алжирский предводитель, не так давно похвалявшийся пленением Ушакова, был унесен с палубы в каюту. Русские корабли, окружив противника, буквально осыпали его ядрами. Турецкий флот был "совершенно уже разбит до крайности" и в очередной раз бежал с поля боя. Наступившая темнота, пороховой дым и перемена ветра спасли его от полного разгрома и пленения. Весь турецкий флот, лишившийся двадцати восьми судов, разбросало по морю. Большая часть экипажей была перебита, в то время как на русских кораблях потери были незначительны. А в Константинополе, не имея известий о происшедшем морском сражении, праздновали курбан-байрам и радовались; но вскоре "сверх чаяния сия радость обратилась в печаль и страх", вызванные появлением у крепостей Босфора остатков эскадры "славного алжирца" Сеит-Али: вид пришедших пяти его линейных кораблей и пяти других малых судов был ужасен, "некоторые из оных без мачт и так повреждены, что впредь служить на море не могут"; палубы были завалены трупами и умирающими от ран; в довершение всего корабль самого Сеит-Али, войдя на рейд, стал на виду у всех тонуть и пушечными залпами просить о помощи...

"Великий! Твоего флота больше нет", – доложили турецкому султану. Тот был настолько напуган увиденным зрелищем и известием о сокрушительном поражении своего флота, что немедленно поспешил заключить мир с Россией.

29 декабря 1791 года в Яссах был подписан мирный договор. Российское государство, укрепив свои позиции на юге, "твердою ногою встало на завоеванных им берегах Черного моря".

За столь знаменитую победу контр-адмиралу Феодору Ушакову пожалован был орден святого Александра Невского.

Еще в начале войны Феодор Ушаков принял главное начальство над портом и городом Севастополем. По заключении мира с Турцией он немедленно приступил к починке кораблей, постройке разных мелких судов; по его распоряжениям и при неустанном личном участии на берегах бухт строились пристани. Трудно было с размещением на берегу матросов и прочих нижних чинов: они жили в хижинах и казармах, находившихся в низменных местах бухты, где от гнилого воздуха, исходящего от болот Инкермана, люди часто болели и умирали. Феодор Феодорович, как и в период борьбы с чумой в Херсоне, стал принимать самые решительные меры к прекращению болезней. В удобных, возвышенных и наиболее здоровых местах им были построены казармы, госпиталь. Он заботился и об устройстве дорог, рынков, колодцев и вообще снабжении города пресной водою и жизненными припасами... Небольшая соборная церковь святителя Николая,

покровителя в море плавающих, была им перестроена и значительно увеличена. Бывало, что из казенных сумм, определяемых на содержание Черноморского флота, те или иные поставлялись несвоевременно – тогда Ушаков выдавал из собственных денег по несколько тысяч в контору Севастопольского порта, чтобы не останавливать производства работ; "он чрезвычайно дорожил казенным интересом, утверждая, что в собственных деньгах должно быть щедрым, а в казенных скупым, – и правило сие доказывал на деле".

Освободясь на время от ратных дел, прославленный адмирал, который "к вере отцов своих оказывал чрезвычайную приверженность", имел теперь возможность более предаваться молитве: сохранилось драгоценное свидетельство о его жизни в Севастополе, когда он "каждый день слушал заутреню, обедню, вечерню и перед молитвами никогда не занимался рассмотриванием дел военно-судных; а произносил приговор, щадил мужа, отца семейства многочисленного; и был исполненный доброты необыкновенной..." В начале 1793 года он призван был императрицею в Петербург. Екатерина II пожелала видеть героя, стяжавшего такую громкую славу, и "встретила в нем человека прямодушного, скромного, мало знакомого с требованиями светской жизни". За заслуги перед престолом и Отечеством Екатерина II поднесла ему в дар необыкновенной красоты золотой складень-крест с мощами святых угодников. В том же году Феодору Ушакову был пожалован чин вице-адмирала.

В 1796 г. на российский престол вступил император Павел I.

Это было время, когда революционная Франция, поправ законы божеские и человеческие и умертвив монарха, "обратилась к завоеванию и порабощению соседних держав". Вице-адмирал Ушаков получил приказ привести в боевую готовность Черноморский флот. Сложность обстановки для России заключалась в том, что не было никакой ясности, от какого противника – Турции или Франции – защищать южные рубежи. Франция подстрекала Турцию к войне с Россией, и туркам, конечно же, хотелось вернуть отторгнутые Россией земли; но, с другой стороны, соседство на Балканах с французами становилось для Оттоманской Порты куда более опасным, чем потеря Крыма. Вскоре султан Селим III принял предложение российского императора о союзе против Франции и обратился к Павлу I с просьбой о присылке вспомогательной эскадры. В связи с этим вице-адмиралу Ушакову был доставлен высочайший рескрипт: "Коль скоро получите известие, что французская эскадра покусится войти в Черное море, то немедленно, сыскав оную, дать решительное сражение, и МЫ надеемся на ваше мужество, храбрость и искусство, что честь НАШЕГО флага соблюдена будет...". В начале августа 1798 года, находясь вблизи Севастопольского рейда с вверенной ему эскадрой, Феодор Ушаков получил высочайшее повеление "тотчас следовать и содействовать с турецким флотом противу зловерных намерений Франции, яко буйнаго народа, истребившего не токмо в пределах своих веру и Богом установленное правительство и законы... но и у соседственных народов, которые по несчастию были им побеждены или обмануты вероломническими их внушениями...". Взяв курс на Константинополь, российская эскадра скоро приблизилась к Босфору, и этого оказалось достаточным, чтобы Порты немедленно объявила войну республиканской Франции.

Турция встречала русские суда на удивление дружелюбно. Поразила турок опрятность, строгий порядок на русских судах. Один из влиятельных вельмож на встрече у визиря заметил, что "двенадцать кораблей российских менее шуму делают, нежели одна турецкая лодка; а матросы столь кротки, что не причиняют жителям никаких по улицам обид". И облик, и весь дух русских моряков были удивительны туркам. Российская эскадра пробыла в Константинополе две недели; 8 сентября, "дав туркам опыт неслыханного порядка и дисциплины", она снялась с якоря и при благополучном ветре направила свой путь к Дарданеллам, к месту соединения с турецким флотом. Командующим объединенными силами назначен был вице-адмирал Ушаков. Турки, на собственном опыте зная его искусство и храбрость, полностью доверили ему свой флот, а капудан-паша Кадыр-бей именем султана обязан был почитать российского вице-адмирала "яко учителя".

Так началась знаменитая средиземноморская кампания вице-адмирала Феодора Ушакова, в которой он показал себя не только как великий флотоводец, но и как мудрый государственный деятель, милосердный христианин и благодетель освобожденных им народов.

Первой задачей эскадры было взятие Ионических островов, расположенных вдоль юго-западного побережья Греции, главный из которых – Корфу, имея и без того мощнейшие в Европе бастионы, был еще значительно укреплен французами и считался неприступным. Коренные жители занятых французами островов были православными греками, а на Корфу находилась (пребывающая и донныне) великая христианская святыня – мощи святителя Спиридона Тримифунтского. Феодор Ушаков поступил премудро: он, прежде всего, обратился с письменным воззванием к жителям островов, призывая их содействовать в "низвержении несносного ига" безбожников-французов. Ответом была повсеместная вооруженная помощь населения, воодушевленного прибытием русской православной эскадры. Как ни сопротивлялись французы, наш десант решительными действиями освободил остров Цериги, затем Занте...

Когда французский гарнизон на острове Занте сдался, то "на другой день главнокомандующий вице-адмирал Ушаков, вместе с капитанами и офицерами эскадры, съехал на берег для слушания благодарственного молебна в церкви св. чудотворца Дионисия. Звон колоколов и ружейной пальбой приветствованы были шлюпки, когда приближались к берегу; все улицы украсились выставленными в окнах русскими флагами – белыми с синим андреевским крестом, и почти все жители имели такие же флаги в руках, беспрестанно восклицая: "Да здравствует государь наш Павел Петрович! Да здравствует избавитель и восстановитель православной веры в нашем Отечестве!" На пристани вице-адмирал принят был духовенством и старейшинами; он последовал в соборную церковь, а после богослужения прикладывался к мощам святого Дионисия, покровителя острова Занте; жители повсюду встречали его с особенными почестями и радостными криками; по следам его бросали цветы; матери, в слезах радости, выносили детей, заставляя их целовать руки наших офицеров и герб российский на солдатских сумках. Женщины, а особливо старые, протягивали из окон руки, крестились и плакали", – так записывал очевидец.

То же было и при острове Кефалония: "...жители везде поднимали русские флаги и способствовали десантным войскам отыскивать французов, скрывшихся в горах и ущельях; а когда остров был взят, местный архиерей и духовенство с крестами, все дворянство и жители, при колокольном звоне и пальбе из пушек и ружей, встретили начальника русского отряда и командиров судов, когда они съехали на берег".

Но между тем с самого начала совместной кампании, особенно когда перешли к военным действиям, выяснилось, что от турецкой вспомогательной эскадры помощи было менее, чем неприятностей и хлопот. Турки при всех льстивых заверениях и готовности сотрудничать были настолько неорганизованны и дики, что вице-адмирал должен был держать их позади своей эскадры, стараясь не подпускать к делу. Это была обуза, о которой, впрочем, будучи главнокомандующим, он обязан был заботиться, то есть кормить, одевать, обучать воинскому ремеслу, чтоб использовать хотя бы отчасти. Местное население открывало двери русским – и захлопывало их перед турками. Феодору Федоровичу приходилось непросто, и он проявил много рассудительности, терпения, политического такта, чтобы соблюсти союзные договоренности и удержать турок от присущих им безобразий – главным образом, от необузданного варварства и жестокости. Особенно не нравилось туркам милостивое обращение русских с пленными французами. Когда Феодор Ушаков принял первых пленных на острове Цериги, турецкий адмирал Кадыр-бей просил его о позволении употребить против них военную хитрость. "Какую?" – спросил Ушаков. Кадыр-бей отвечал: "По обещанию Вашему, французы надеются отправиться в отечество и лежат теперь спокойно в нашем лагере. Позвольте мне подойти к ним ночью тихо и всех вырезать". Сострадательное сердце Феодора Ушакова, конечно же, отвергло сию ужасающую жестокость, – чему турецкий адмирал крайне дивился... Но особенно много

хлопот доставлял Ушакову хитрый и коварный Али-паша, командовавший сухопутными турецкими войсками и привыкший безнаказанно безчинствовать на греческом и албанском побережьях.

10 ноября 1798 года Федор Ушаков в донесении писал: "Благодарение Всевышнему Богу, мы с соединенными эскадрами, кроме Корфу, все прочие острова от рук зловердных французов освободили". Собрав все силы при Корфу, главнокомандующий начал осуществлять блокаду острова и подготовку к штурму этой мощнейшей в Европе крепости. Блокада, вся тягота которой пала на одну русскую эскадру, проходила в условиях для наших моряков самых неблагоприятных. Прежде всего, последовали значительные перебои с поставкой продовольствия и амуниции, а также и материалов, необходимых для текущего ремонта судов, – все это по договору обязана была делать турецкая сторона, однако сплошь и рядом возникали несоответствия, происходившие от злоупотреблений и нерадения турецких чиновников. Эскадра была "в крайне бедственном состоянии". Турецкие должностные лица, которые обязаны были предоставить в срок десантные войска с албанского берега общим числом до четырнадцати тысяч человек и даже "столько, сколько главнокомандующий от них потребует", в действительности собрали лишь треть обещанного, так что в донесении государю вице-адмирал Ушаков писал: "Если бы я имел один только полк российского сухопутного войска для десанта, непременно надеялся бы я Корфу взять совокупно вместе с жителями, которые одной только милости просят, чтобы ничьих других войск, кроме наших, к тому не допускать". Помимо неурядиц с союзниками, блокада осложнялась также и упорным сопротивлением французов, да еще и зима в тот год была необыкновенно сурова на юге Европы. "Наши служители, – писал в донесении Ушаков, – от ревности своей и желая угодить мне, оказывали на батареях необыкновенную деятельность: они работали и в дождь, и в мокроту, или же обмороженные в грязи, но все терпеливо сносили и с великой ревностью старались". Сам адмирал, поддерживая дух своих моряков, подавал пример неутомимой деятельности. "День и ночь пребывал он на корабле своем в трудах, обучая матросов к высадке, к стрельбе и ко всем действиям сухопутного воина", – писал участник тех событий капитан-лейтенант Егор Метакса. Наконец, все было готово для штурма, и на общем совете положено было исполнить это при первом удобном ветре. Войскам дана была боевая инструкция, которую вице-адмирал Федор Ушаков закончил словами: "...поступать с храбростию, благоразумно и сообразно с законами. Прошу благословения Всевышняго и надеюсь на ревность и усердие господ командующих".

Благоприятный ветер подул 18 февраля, и в семь часов пополудни начался штурм. Первоначально удар был обрушен на остров Видо, с моря прикрывавший главную крепость. В описании Егора Метаксы читаем: "Безпрерывная страшная стрельба и гром больших орудий приводили в трепет все окрестности. Остров Видо был весь взорван картечами, и не только окопы, не осталось дерева, которое не было бы повреждено сим ужасным железным градом". В решительных случаях Федор Ушаков подавал собою пример: так и теперь, сигналом приказавши всем судам продолжать свои действия несмотря на движение флагмана, сам подошел вплотную к берегу против сильнейшей батареи французов и через короткое время сбил эту батарею, у которой "в печах было множество приготовленных каленых ядер", и она ими пала. "Турецкие же корабли и фрегаты – все были позади нас и не близко к острову; если они и стреляли на оный, то чрез нас, и два ядра в бок моего корабля посадили..." – писал впоследствии адмирал. "Остров усеян был нашими ядрами, сильною канонадою все почти батареи его истреблены и обращены в прах". В то же время на флагманском корабле "Святой Павел" был поднят сигнал к высадке десанта, заблаговременно посаженного на гребные суда. Под прикрытием корабельной артиллерии десант утвердился между вражескими батареями и пошел к середине острова. Турки, входившие в состав десанта, озлобленные упорным сопротивлением французов, принялись резать головы всем пленным, попавшимся в их руки. Происходили жестокие сцены, подобные следующей, описанной очевидцем: "Наши офицеры и матросы кинулись вслед за

турками, и так как мусульманам за каждую голову выдавалось по червонцу, то наши, видя все свои убеждения не действительными, начали собственными деньгами выкупать пленных. Заметив, что несколько турок окружили молодого француза, один из наших офицеров поспешил к нему в то самое время, когда несчастный развязывал уже галстук, имея перед глазами открытый мешок с отрезанными головами соотечественников. Узнав, что за выкуп требовалось несколько червонцев, но не имея столько при себе, наш офицер отдает туркам свои часы – и голова француза осталась на плечах...". Увещания и угрозы не могли привести турок к послушанию; тогда командир русских десантников составил каре из людей своего отряда, чтобы в середине его укрывать пленных, и тем спасена была жизнь весьма многих. Впоследствии Егор Метакса писал: "Русские и здесь доказали, что истинная храбрость сопряжена всегда с человеколюбием, что победа венчается великодушием, а не жестокостью, и что звание воина и христианина должны быть неразлучны".

К двум часам пополудни остров Видо был взят. На следующий день, 19 февраля 1799 года, пала и крепость Корфу. Это был день великого торжества адмирала Феодора Ушакова, торжества его военного таланта и твердой воли, поддержанных храбростью и искусством его подчиненных, их доверием к своему победоносному предводителю и его уверенностью в их непоколебимое мужество. Это был день торжества русского православного духа и преданности своему отечеству. Взятый в плен "генерал Пиврон был объят таким ужасом, что за обедом у адмирала не мог удержать ложки от дрожания рук и признавался, что всю свою жизнь не видал ужаснейшего дела". Узнав о победе при Корфу, великий русский полководец Суворов воскликнул: "Ура! русскому флоту! Я теперь говорю сам себе: зачем не был я при Корфу хотя мичманом?"

На другой день после сдачи крепости, когда главнокомандующему привезены были на корабль "Святой Павел" французские флаги, ключи и знамя гарнизона, он сошел на берег, "торжественно встреченный народом, не знавшим границ своей радости и восторга, и отправился в церковь для принесения Господу Богу благодарственного молебствия... А 27 марта, в первый день Святой Пасхи, адмирал назначил большое торжество, пригласивши духовенство сделать вынос мощей угодника Божиего Спиридона Тримифунтского. Народ собрался со всех деревень и с ближних островов. При выносе из церкви святых мощей расставлены были по обеим сторонам пути, по которому пошла процессия, русские войска; гробницу поддерживали сам адмирал, его офицеры и первые чиновные архонты острова; святые мощи обнесены были вокруг крепостных строений, и в это время отовсюду производилась ружейная и пушечная пальба... Всю ночь народ ликовал".

Император Павел I за победу при Корфу произвел Феодора Ушакова в адмиралы. Это была последняя награда, полученная им от своих государей.

Воздав благодарение Богу, Феодор Феодорович продолжил выполнение возложенных на него задач. Требовалось образовать на освобожденных островах новую государственность, и адмирал Ушаков, как полномочный представитель России, не поступаясь своими христианскими убеждениями, сумел создать на Ионических островах такую форму правления, которая обеспечила всему народу "мир, тишину и спокойствие". "Люди всех сословий и наций, – обращался он к жителям островов, – чтите властное предназначение человечности. Да прекратятся раздоры, да умолкнет дух вендетты, да воцарится мир, добрый порядок и общее согласие!..." Феодор Ушаков, будучи верным слугой Царю и Отечеству, ревностно отстаивал интересы России и в то же время как христианин, как человек "доброты необыкновенной", он движим был искренним желанием дать греческому населению – друзьям России, единоверцам, недавним соратникам в освобождении островов "от зловредных и безбожных французов" – спокойствие и благополучие. Так образовалась Республика Семи Соединенных Островов – первое греческое национальное государство Нового времени. Феодор Ушаков, показавший здесь себя великим сыном России, говорил впоследствии, что "имел счастье освободить оные острова от неприятелей, устанавливать правительства и содержать в них мир, согласие, тишину и спокойствие...".

В то же время попущением Божиим пришлось Феодору Феодоровичу претерпеть великие нравственные страдания. Прежде всего некоторые турецкие военачальники, разгневанные строгими мерами русского адмирала, решительно пресекавшего жестокости и кощунства турок, грабивших церкви и разорявших иконостасы, начали клеветать на Феодора Ушакова, обвиняя его перед русским посланником в Константинополе Томарой в том, что адмирал-де неправильно распределяет между союзными эскадрами призовые, полученные за победу, к тому же присваивая их себе... Честный и нестяжательный Феодор Феодорович должен был объясняться. Со скорбью писал он посланнику: "Я не интересовался нигде ни одной полушкой и не имею надобности; Всемиловитейший Государь мой Император и Его Султанское Величество снабдили меня достаточно на малые мои издержки. Я не живу роскошно, потому и не имею ни в чем нужды, и еще уделяю бедным, и для привлечения разных людей, которые помогают нам усердием своим в военных делах. Я не имею этой низости, как злословит меня капудан-паша...". И в другом письме: "Все сокровища в свете меня не обольстят, и я ничего не желаю и ничего не ищу от моего малолетства; верен Государю и Отечеству, и один рубль, от Монаршей руки полученный, почитаю превосходнейше всякой драгоценности, неправильно нажитой".

Было и другое: лучшие качества Феодора Ушакова как воина-христианина, например, его милосердие к пленным, входило в конфликт с интересами государственной власти; сколько сердечной боли должен был испытывать адмирал, которому вышеупомянутый В.С. Томара, называя его "наш добрый и честный Феодор Феодорович", препровождал секретное распоряжение, в коем, "при изъявлении душевного почтения к полезным и славным трудам" адмирала, ему разъяснялось, "что намерение Высочайшего Двора есть стараться чем можно более раздражить взаимно Порту и Францию; следственно, соблюдая... в рассуждении французов правила войны, вообще принятые, не должно понуждать турков к наблюдению их. Пушай они что хотят делают с французами... а [русским] обременяться пленными не следует и невозможно". И сколько было случаев, подобных этому!

И наконец, положение самой русской эскадры, которой необходимо было продолжать военные действия против французов, оставалось во многих отношениях тяжелым. Прежде всего, продовольствие, поставляемое турками из Константинополя, было весьма нехорошего качества, да и поставлялось не вовремя; эти "и прочие разные обстоятельства, – писал адмирал, – повергают меня в великое уныние и даже в совершенную болезнь. Из всей древней истории не знаю и не нахожу я примеров, чтобы когда какой флот мог находиться в отдаленности без всяких снабжений и в такой крайности, в какой мы теперь находимся... Мы не желаем никакого награждения, лишь бы только служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду". Эти его слова, полные скорби и недоумения от происходящего, многого стоят. Что же помогло устоять русским морякам против стольких испытаний? Несомненно, их православный дух, их верность Царю и Отечеству, великий пример главнокомандующего и их всеобщая любовь к нему – "батюшке нашему Феодору Феодоровичу". Он всегда учил своих офицеров: "Запомните непреложное правило, что командир над кораблем почитается защитителем других и отцом всего экипажа".

А между тем миссия его в Средиземном море еще не закончилась. В Северной Италии русские под предводительством славного Суворова громили "непобедимую" армию французов. Суворов просил адмирала Ушакова с юга оказывать ему всемерную поддержку. И вот, находясь в теснейшем взаимодействии, они били французских республиканцев на суше и на море. Два великих сына России – они показали всему миру, что такое русское воинство. Отряды кораблей с десантом стремительными передвижениями по Адриатике и вдоль юго-западных берегов Италии наводили панику на французские гарнизоны. Но и тут не обошлось без козней: интриговали англичане, а их знаменитый контр-адмирал Горацио Нельсон всячески пытался досаждать Ушакову; слава русского флотоводца не давала покоя Нельсону. В переписке с своими друзьями он заявлял, что Ушаков "держит себя так высоко,

что это отвратительно". Спокойная учтивость русского адмирала раздражала Нельсона: "Под его вежливой наружностью скрывается медведь...". И наконец, уже с полной откровенностью: "Я ненавижу русских...". Это чувствовал и сам Федор Федорович: "Зависть, быть может, против меня действует за Корфу... Что сему причиною? не знаю...". Тем временем русские моряки и десантники взяли город Бари, где отслужили благодарственный молебен у мощей святителя Николая Чудотворца, затем Неаполь и 30 сентября 1799 года вошли в Рим.

Неаполитанский министр Мишуру, бывший при нашем отряде, с изумлением писал адмиралу Ушакову: "В промежуток 20 дней небольшой русский отряд возвратил моему государству две трети королевства. Это еще не всё, войска заставили население обожать их... Вы могли бы их видеть осыпанными ласками и благословениями посреди тысяч жителей, которые назвали их своими благодетелями и братьями... Конечно, не было другого примера подобного события: одни лишь русские войска могли совершить такое чудо. Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие, любезные нравы! Здесь боготворят их, и память о русских останется в нашем отечестве на вечные времена".

Предстояло еще взятие Мальты, но тут на исходе 1799 года адмирал Федор Ушаков получил приказ императора Павла I о возвращении вверенной ему эскадры на родину, в Севастополь...

Он еще несколько времени провел на Корфу, готовя эскадру к длительному пути, занимаясь делами местного управления, прощаясь с Островами. Он полюбил греков, и они сторицею платили ему тем же; они видели в нем друга и освободителя. "Беспрестанно слышу я просьбы и жалобы народные, и большей частью от бедных людей, не имеющих пропитания..." – и адмирал, будучи печальником народных нужд, старался с помощью Божией, насколько мог, способствовать улучшению их жизни. Жители Республики Семи Соединенных Островов прощались с адмиралом Федором Ушаковым и его моряками, не скрывая слез, благодаря их и благословляя. Сенат острова Корфу назвал его "освободителем и отцом своим". "Адмирал Ушаков, освободя сии острова геройственною своею рукою, учредив отеческими своими благорасположениями соединение их, образовав нынешнее временное правление, обратил яко знаменитый освободитель все свое попечение на пользу и благоденствие искупленных им народов". На золотом, осыпанном алмазами мече, поднесенном ему, была надпись: "Остров Корфу – адмиралу Ушакову". На золотой медали от жителей острова Итака – "Феодору Ушакову, российских морских сил главному начальнику, мужественному освободителю Итаки". Столь же памятные и дорогие награды были и от других островов. Но адмирал, слишком хорошо уже узнавший превратности высшей политической жизни, покидал Ионические острова с чувством тревоги за их дальнейшую судьбу. На душе его было скорбно...

26 октября 1800 года эскадра адмирала Федора Ушакова вошла в Севастопольскую бухту.

В ночь на 11 марта 1801 года заговорщиками был убит император Павел I. На российский престол взошел его сын Александр I. Политика России менялась. Вскоре адмирал Федор Ушаков был переведен в Санкт-Петербург. При дворе возобладало мнение о ненужности большого флота для "сухопутной" России. Тогдашний морской министр высказывался о флоте, что "он есть обременительная роскошь", а другой деятель морского ведомства писал: "России нельзя быть в числе первенствующих морских держав, да в том и не представляется ни пользы, ни надобности". В 1804 году Федор Федорович составил подробнейшую записку о своем служении российскому флоту, в которой подытоживал свою деятельность: "Благодарение Богу, при всех означенных боях с неприятелем и во всю бытность онаго флота под моим начальством на море, сохранением Всевысочайшей Благости ни одно судно из онаго не потеряно и пленными ни один человек из наших служителей неприятелю не достался".

Обострялись болезни, усиливались душевные скорби. Но не забывал адмирал заботиться о ближних своих: в его дом в Петербурге часто приходили за помощью. Одних

он снабжал деньгами, одеждой, за других, особо нуждающихся, ходатайствовал перед более имущими господами. Например, переписываясь с известным благотворителем графом Н.П. Шереметевым, построившим в Москве в память своей умершей жены Странноприимный дом, Федор Федорович не однажды обращался к нему с просьбами подобного характера: "Зная доброе расположение Ваше к спасительным делам и благодеянию, посылаю к Вашему Сиятельству двух странниц, пришедших из отдаленного края просить позволения о построении храма Божиего и устройении жилищ в пользу увечных и больных. По их бедности я содержу их в своем доме и одел их". Кроме того, он взял на себя покровительство и заботу об осиротевших племянниках.

Продолжая нести службу в должности главного командира Балтийского гребного флота, а кроме того, еще и начальника Петербургских флотских команд и председателя квалификационной комиссии "по производству в классные чины шкиперов, подшкиперов, унтер-офицеров и клерков Балтийских и Черноморских портов", образованной при Морском кадетском корпусе, Федор Ушаков старался и эти обязанности исполнять с ревностью и усердием, как это вообще было ему свойственно в любом деле. С болью следил он за происходившим в Европе: близился к завершению один из этапов франко-русской войны, готовился мир в Тильзите; император Александр I сделается союзником Наполеона Бонапарта, а Ионические острова будут переданы "зловредным" французам. Федору Федоровичу предстояло пережить и это.

19 декабря 1806 года он подал императору прошение об отставке: "Душевные чувства и скорбь моя, истощившие крепость сил, здоровья, Богу известны – да будет воля Его святая. Все случившееся со мною приемлю с глубочайшим благоговением...". Эти слова, венчающие ратный подвиг, славное и многотрудное служение родному Отечеству, свидетельствуют, что непобедимый адмирал исполнен был смирения и покорности воле Божией, и благодарения Богу за все, – это были чувства истинно христианские.

Отойдя от служебных дел, он некоторое время жил в Санкт-Петербурге, продолжая покровительствовать племянникам, и готовился к переезду на постоянное и уже последнее место своей земной жизни. У него было несколько небольших деревень на родине в Ярославской губернии, был участок земли вблизи Севастополя... Душа адмирала, от младенчества взыскавшая Господа, просила покоя, уединения, молитвы. Он принял решение, исполненное глубокого смысла: он избрал для жительства тихую деревню Алексеевку, в Темниковском уезде, вблизи Санаксарского Рождество-Богородичного монастыря, где в годы его ратных подвигов молился о нем его родной дядя – преподобный Федор. Несомненно, что молитвенное их общение никогда не прерывалось. Потому и устремилась сюда, к святой обители душа адмирала, что здесь подвизался о Господе и упокоился самый духовно близкий ему человек на земле. Монах и моряк – они оба были воинами Христовыми, оба делали одно дело: ревностно служили Господу – на том поприще, на которое Он их призвал.

Перед тем, как окончательно в 1810 году покинуть столицу, Федор Федорович, "памятуя час смертный с каковою внезапностью оный приключается", написал завещание. Никогда не имевший своей семьи и своих детей, он все небогатые владения передал в собственность племянникам, "которых почитаю я вместо детей моих и о благе их стараюсь как собственный их отец". Сохранилось свидетельство тогдашнего настоятеля монастыря иеромонаха Нафанаила о завершающем периоде земной жизни Федора Федоровича: "Адмирал Ушаков, сосед и знаменитый благотворитель Санаксарской обители, по прибытии своем из Санкт-Петербурга, вел жизнь уединенную в собственном своем доме, в деревне Алексеевке, расстоянием от монастыря через лес версты три, который по воскресным и праздничным дням приезжал для богомолья в монастырь к службам Божиим во всякое время. В Великий пост жывал в монастыре, в келлии, для своего пощения и приготовления к Св. Тайнам по целой седмице и всякую продолжительную службу с братией в церкви выстаивал неопустительно и слушал благоговейно; по временам

жертвовал от усердия своего обители значительные благотворения; также бедным и нищим творил всегдашние милостивые подаяния и вспоможения".

Началась Отечественная война 1812 года. На борьбу с французами поднялся весь народ. В Тамбовской губернии, как и по всей России, создавались ополчения для защиты Отечества. На губернском собрании дворянства, в котором Федор Федорович не смог принять участия по болезни, он был избран большинством голосов начальником внутреннего тамбовского ополчения. Предводитель дворянства писал ему: "Долговременная опытность службы Вашей и отличное усердие перед престолом Российской державы, Вами доказанные, да подадут дворянству твердые способы к ревностным подвигам на пользу общую, да подвигнут всех к благодетельным пожертвованиям и да вдохнут готовность в сердце каждого принять участие к спасению Отечества...". "За благосклонное, доброе обо мне мнение и за честь сделанную приношу всепокорнейшую мою благодарность, – отвечал адмирал. – С отличным усердием и ревностно желал бы я принять на себя сию должность и служить Отечеству, но с крайним сожалением за болезнь и великой слабостью здоровья принять ее на себя и исполнить никак не в состоянии и не могу". Но, между тем, вместе с темниковским соборным протоиереем Асинкритом Ивановым он устроил госпиталь для раненых, дав деньги на его содержание. Две тысячи рублей им было внесено на формирование 1-го Тамбовского пехотного полка. Все, что имел, отдавал он "на воспомоществование ближним, страждущим от разорения злобствующего врага...". Еще в 1803 году им были внесены двадцать тысяч рублей в Опекунский совет Санкт-Петербургского воспитательного дома; теперь он всю сумму с причитающимися на нее процентами передал в пользу разоренных войной: "Я давно имел желание все сии деньги без изъятия раздать бедствующим и странствующим, не имеющим жилищ, одежды и пропитания". Не только крестьяне окрестных деревень и жители города Темникова, но и из отдаленных мест приезжали к нему многие. С страдальцами, лишившимися имущества, делился он тем, что имел; обремененных скорбью и унынием утешал непоколебимой надеждой на благодать Небесного Промысла. "Не отчаивайтесь! – говорил он. – Сии грозные бури обратятся к славе России. Вера, любовь к Отечеству и приверженность к Престолу восторжествуют. Мне немного остается жить; не страшусь смерти, желаю только увидеть новую славу любезного Отечества!"

Остаток дней своих, по словам того же иеромонаха Нафанаила, адмирал провел "крайне воздержанно и окончил жизнь свою как следует истинному христианину и верному сыну Святой Церкви 1817 года октября 2-го дня и погребен по желанию его в монастыре подле сродника его из дворян, первоначальника обители сия иеромонаха Феодора по фамилии Ушакова же".

Отпевал Феодора Федоровича в Спасо-Преображенской церкви города Темникова протоиерей Асинкрит Иванов, который за день до кончины праведника, в праздник Покрова Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, принимал его последнюю исповедь и причащал Святых Таин; когда гроб с телом усопшего адмирала при большом стечении народа был вынесен на руках из города, его хотели положить на подводу, но народ продолжал нести его до самой Санаксарской обители. Там встретила благоверного боярина Феодора монастырская братия. Феодор Федорович был погребен у стены соборного храма, рядом с родным ему преподобным старцем, чтобы быть им отныне вместе навеки.

После праведной кончины Феодора Федоровича прошло почти два столетия. Его подвижническая и высокодуховная жизнь, его добродетели не были забыты в родном отечестве. Его заветами жили русские воины и флотоводцы, православная русская армия.

Когда наступили времена гонений на Русскую Православную Церковь, Санаксарский монастырь, где упокоился Феодор Федорович, был закрыт. Часовня, выстроенная над могилой адмирала, была до основания разрушена, честные его останки в 1930-е годы были осквернены безбожниками.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов воинская слава Феодора Федоровича Ушакова была вспомнута, его имя, наряду с именами святых благоверных

князей-воинов Александра Невского и Дмитрия Донского, вдохновляло к подвигу защитников Родины. Был учрежден боевой орден адмирала Ушакова, который стал высшей наградой для воинов-моряков.

Тогда же, в 1944 году, возник вопрос о месте погребения адмирала Ушакова. Была создана государственная комиссия, которая произвела раскопки на территории Санаксарского монастыря и вскрытие могилы адмирала Ушакова у стены соборного храма. Честные останки Феодора Феодоровича оказались нетленны, что было отмечено в соответствующем документе комиссии.

С этого времени могила Феодора Ушакова и, как следствие, весь Санаксарский монастырь находились под присмотром государственной власти, что предотвратило разрушение чтимой праведником обители.

В 1991 году Санаксарский монастырь был возвращен Русской Православной Церкви. Почитание святого праведника год от году возрастает. На его могиле служатся панихиды, многочисленные паломники: духовенство, монашествующие, благочестивые миряне, среди которых часто можно видеть воинов-моряков, – приходят поклониться Феодору Феодоровичу Ушакову, ревностному служителю Отечеству и народу Божиему, явившему собою великий пример воинской доблести, милосердия и христианского благочестия.

Источник: st-nikolas.orthodoxy.ru

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-feodor-ushakov-voin>

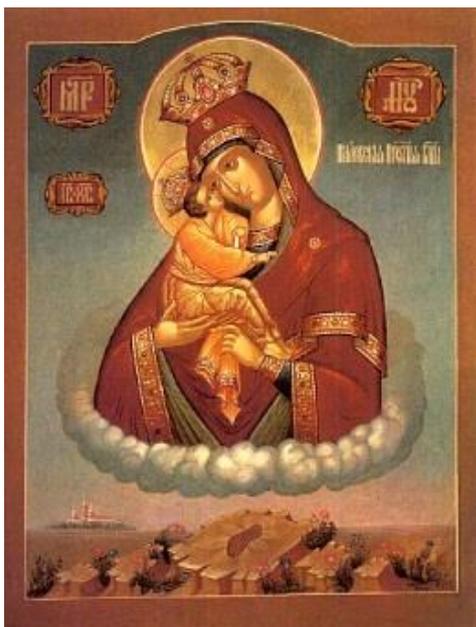
Тропарь, глас 1

Державе Российской архистратиг непобедимый явился еси,/ агарянскую злобу нивчтоже вменив и разорив:/ ни славы мирския, ниже богатства взыскуя,/ но Богу и ближнему послужил еси,/ моли, святе Феодоре,/ воинству нашему даровати на враги одоление,/ отечеству во благочестии непоколебиму пребыти,// и сыновом Российским спастися.

Кондак, глас 2

Архистратиже Российский,/ служителю народа Божиего,/ нищих и угнетенных свободителю,/ нечестивых наказателю,/ полезное нам проси и велию милость,// яко споборник наш праведне боярине Феодоре.

Почаевской иконы Божией Матери (1675)

Почаевская икона Божией Матери принадлежит к числу наиболее чтимых святынь Русской Церкви. Она известна всему славянскому миру: ее чтут в России, в Боснии, Сербии, Болгарии и других местах. Наряду с православными на поклонение чудотворному образу Пресвятой Богородицы приходят и христиане других исповеданий. В Почаевской Лавре, древнем оплоте Православия, чудотворная икона пребывает около 400 лет. (Сведения о перенесении иконы в Почаевскую обитель помещены 8 сентября). Чудеса, проистекающие от святой иконы, многочисленны и засвидетельствованы в монастырских книгах записями верующих, с молитвою обращавшихся об избавлении от неизлечимых недугов, освобождении от плена и вразумлении грешников.

Празднование в честь Почаевской иконы Божией Матери 23 июля было установлено в память избавления Успенской Почаевской Лавры от турецкой осады 20-23

июля 1675 года.

Летом 1675 года во время Збаражской войны с турками, в царствование польского короля Яна Собесского (1674-1696), полки, состоящие из татар, под предводительством хана Нурредина, через Вишневец подступили к Почаевской обители, обступив ее с трех сторон. Слабая монастырская ограда, как и несколько каменных зданий обители, не представляла никакой защиты для осаждаемых. Игумен Иосиф Добромирский убедил братию и мирян обратиться к небесным заступникам: Пресвятой Богородице и преподобному Иову Почаевскому (память 28 октября). Иноки и миряне усердно молились, припадая к чудотворному образу Божией Матери и к раке с мощами преподобного Иова. Утром 23 июля с восходом солнца татары держали последний совет о штурме обители, игумен же велел петь акафист Божией Матери. С первыми словами "Взбранной Воеводе" над храмом внезапно явилась Сама Пречистая Богородица, "омофор белоблестящийся распуская", с небесными ангелами, держащими обнаженные мечи. Преподобный Иов находился близ Божией Матери, кланяясь Ей и молясь о защите обители. Татары приняли небесное воинство за привидение, в смятении стали стрелять в Пресвятую Богородицу и преподобного Иова, но стрелы возвращались назад и ранили тех, кто их пускал. Ужас охватил неприятеля. В паническом бегстве, не разбирая своих, они убивали друг друга. Защитники монастыря устремились в погоню и захватили многих в плен. Некоторые пленные впоследствии приняли христианскую веру и остались в обители навсегда.

В 1721 году Почаев был занят униатами. Однако и в это трудное для Лавры время монастырская летопись зафиксировала 539 чудотворений от прославленной православной святыни. Во время господства униатов, во второй половине XVIII века, например, граф-униат Николай Потоцкий стал благотворителем Почаевской Лавры по следующему чудесному обстоятельству. Обвинив своего кучера в том, что взбесившиеся лошади перевернули коляску, граф достал пистолет, чтобы убить его. Кучер, обратясь к Почаевской горе, поднял руки вверх и воскликнул: "Матерь Божия, явленная в иконе Почаевской, спаси меня!" Потоцкий несколько раз пытался выстрелить из пистолета, никогда ему не изменявшего, но оружие делало осечку. Кучер остался жив. Потоцкий немедленно отправился к чудотворной иконе и решил себя и все свое имущество посвятить на устройство обители. На его средства построены Успенский собор и братский корпус.

Возвращение Почаева в лоно Православия в 1832 году было ознаменовано чудесным исцелением слепой девочки Анны Акимчуковой, пришедшей на поклонение святыням с семидесятилетней бабушкой за 200 верст из Кременец-Подольска. В память этих событий

архиепископ Волынский священноархимандрит Лавры Иннокентий (1832-1840) установил еженедельное, по субботам, чтение соборного акафиста перед чудотворной иконой. Во время управления Лаврой священноархимандритом Агафангелом, архиепископом Волынским (1866-1876) был устроен особый придел на хорах Свято-Троицкой церкви в память победы над татарами, освященный 23 июля 1875 года.

По материалам сайта: <https://days.pravoslavie.ru/Life/life4291.htm>

Тропарь Божией Матери пред иконой Ее Почаевской, глас 5

Пред святою Твоею иконою, Владычице,/ молящиеся исцелений сподобляются,/ веры истинныя познание приемлют/ и агарянская нашествия отражают./ Темже и нам, к Тебе припадающим,/ грехов оставление испроси,/ помыслы благочестия сердца наша просвети/ и к Сыну Твоему молитву вознеси// о спасении душ наших.

Ин тропарь Божией Матери пред иконой Ее Почаевской, глас 4

К Богородице прилежно ныне притецем грешнии и смиреннии, и припадем к дивному образу Ея, иже на горе Почаевстей: к немуже умильно взирающе и молящися Царице Владычице из глубины душевныя вопием: О Пречудная Дево, Мати Господа Вышняго, от лет древних избравшая обитель Почаевскую в место селения Своего! Землю отечественную нашу в православии и мире утверди, и спаси всех предстоящих и молящихся Тебе умиленною душею и сокрушенным сердцем, пред Пречистым Твоим образом со слезами. Не отврати рабы Твоя тщи: Тя бо едину Надежду имами.

Кондак Божией Матери пред иконой Ее Почаевской, глас 1

Источник исцелений и веры Православныя утверждение/ Почаевская Твоя икона, Богородице, явися,/ темже и нас, к ней притекающих,/ от бед и искушений свободы,/ лавру Твою невредиму сохрани,/ Православие во окрест стоящих странах утверди/ и грехи разреши молитвенник Твоих:// елика бо хочещи, можещи.

Икона Божией Матери «Всех скорбящих радость»

Чудотворная икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость»... Сколько утешительного заключено в одном уже имени этой иконы – будящем, укрепляющем веру людей в Богоматерь как в дивную Заступницу, Которая спешит всюду, где слышится стон страдания людского, утирает слезы плачущих и в самой горе дает минуты отрады и радости небесной. Радуйся же вечно Ты, небесная скорбящих Радость!

По вере людей в милосердие Богоматери к роду людскому повелся обычай изображать Богоматерь сообразно тому, что слышится в словах молитвы к ней: «О, Пресвятая Госпоже Владычице Богородице, выйши еси всех Ангел и Архангел и вся твари честнейши. Помощница еси обидимых, ненадеющихся надеяние, убогих заступница, печальных утешение, алчущих кормительница, нагих одеяние, больных исцеление, грешных спасение. Христиан всех поможение и

заступление». Поэтому и пишется Богоматерь во весь рост, иногда с Младенцем на руках (как на московском первообразе), иногда без Младенца (как на прославившейся в Петербурге, у Стеклянного завода, иконе с монетами), окруженная разного рода бедствующими людьми – нагими, обидимыми, алчущими. Около этих бедствующих изображают часто Ангелов, посланных Владычицей для утolenия страдания людского; Ангелы, приникая к людям, указывают им на Богоматерь, Которая пишется на иконах «Всех скорбящих Радость» или во славе, с короной на главе и в царском одеянии, или в обычном одеянии, или в белом плате на главе.

В Москве в XVII веке прославилась одна икона Богоматери этого имени. Первое чудо от нее совершилось в 1648 г. над больной Евфимией, родной сестрой патриарха Иоакима, жившей на Ордынке. Она жестоко страдала раной в боку. Рана была так велика и столь болезненна, что больная ждала смерти. Но, в то же время она не теряла надежды на Божественную помощь.

Однажды утром она во время молитвы услышала голос: «Евфимия! Иди в храм Преображения Сына Моего; там есть образ, именуемый «Всех скорбящих Радость». Пусть священник отслужит молебен с водосвятием, и получишь исцеление от болезни. Получивши же, всем проповедуй милость, ради той иконы явленную, чтобы не сокрыт был источник благодатных исцелений всем требующим». Евфимия исполнила повеление Пресвятой Богородицы: узнала, что в Москве на Ордынке действительно есть храм Преображения; был отслужен молебен, и больная исцелилась. Это произошло 24 октября.

Чудотворная икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость» находится в московском храме, названном в честь этого образа, на улице Большая Ордынка. Здесь перед ним каждую субботу служатся молебны.

23 июля 1888 года в Санкт-Петербурге и его окрестностях разразилась гроза. Молния с силою ударила в часовню у Стеклянного завода, обожгла внутренние стены, но не коснулась образа Богоматери, несмотря на то, что другие иконы были опалены пламенем, а кружка для сбора подаяний совершенно разбита. От громового удара икона спустилась на землю, причем лик Богоматери, сильно потемневший от времени и копоти, как бы просветлел и обновился. Двенадцать же медных монет из разбитой кружки каким-то образом оказались прикрепленными в разных местах к образу.

К вечеру того же дня весть о чудесном сохранении образа разнеслась по всей столице, и на другой день с раннего утра и до позднего вечера народ в великом множестве окружал часовню, удивляясь дивному знамению милости Божией. С каждым днем богомольцев прибывало все больше и больше. Из Петербурга слух о святой иконе распространялся по всей России. С разных сторон стали прибывать богомольцы. И милость Божия вскоре прославила образ Богоматери дивными чудотворениями.

В 1890 году 6 октября все молящиеся в часовне были свидетелями поразительного исцеления 14-летнего отрока Николая Грачева от припадков и расслабления рук. Врачи признали неизлечимой его долголетнюю болезнь. Однажды комната больного ярко озарилась сиянием неземного света, и отрок увидел Пречистую Деву, Николая чудотворца и еще некоего святителя в белом клобуке. Богоматерь повелела отроку ехать в часовню и сказала, что после этого только он исцелится. Отрок исполнил повеление. Прибыв в часовню, больной приложился к образу, и падучая болезнь оставила его – руки его получили силу, и с этого времени больной стал совершенно здоров.

Пречистая Дева изображена на иконе во весь рост с распростертыми руками. Лик Ее несколько склонен в левую сторону. Верхняя одежда Богоматери темно-синего цвета, а нижняя – темно-красного. Глава Ее украшена золотистым нимбом и облечена в белое покрывало. Над Нею в облаках восседает Спаситель, держащий в левой руке св. Евангелие, а правую благословляющий. По сторонам образа находятся изображения Ангелов и страждущих.

протопресвитер Александр Киселев. Чудотворные иконы Божией Матери в истории России

Ин тропарь Божией Матери пред иконой Ее Всех скорбящих радость, глас 8

Ко источнику приснотекущему милосердия, Пречистой Деве Богородице, притецем, людие вси, священницы же и иноцы, мужие, и жены, и чада, здравии и болящии, в покаянии вопиюще и умильно глаголюще: Владычице, помози грешным рабом Твоим, яви яко Благая славу Твою, присно потщися умилосердиться на ны, испросити очищение душ и телес наших от Источника жизни нашея, Бога, Егоже родила еси, едина Благословенная.

Кондак Божией Матери пред иконой Ее Всех скорбящих Радость, глас 6

Не имамы иныя помощи,/ не имамы иныя надежды,/ разве Тебе, Владычице,/ Ты нам помози:/ на Тебе надеемся/ и Тобою хвалимся,/ Твои бо есмы раби,// да не постыдимся.